

Модель броненосца «Орёл»

Виктор Гурин,

директор Любимского историко-краеведческого музея, г. Любим, Ярославская область

Долгое эхо Цусимского сражения

В мае нынешнего года исполняется 120 лет со дня начала строительства знаменитого броненосца «Орёл», одного из немногих уцелевших в трагическом Цусимском морском бою. В память об этом событии наш автор изготовил модель легендарного корабля и собрал уникальные исторические свидетельства очевидцев событий далёкого прошлого.

Броненосная эпоха

Цусимское сражение — крупнейшее в эпохе броненосного флота, произошло 27–28 мая 1905 года и закончилось полным разгромом 2-й эскадры Тихоокеанского флота под командованием З.П. Рожественского силами Объ-

единённого флота Японии под командованием адмирала Х. Того. Итоги сражения окончательно предопределили победу Японии в Русско-японской войне и повлияли на развитие мирового военного кораблестроения. Самая известная художественно-документальная кни-

га об этом сражении — роман Алексея Силыча Новикова-Прибоя «Цусима». Писатель ярко и подробно описывает как многотрудный переход Второй Тихоокеанской эскадры, так и само Цусимское сражение. Да и сам автор был непосредственным участником описываемых событий, он служил баталёром 1-й статьи на броненосце «Орёл». В 1932 году вышло в свет первое издание романа. Однако к написанию исторической эпопеи Алексей Силыч приступил ещё в конце 1920-х годов. А сама идея описать пережитые события появилась у него в японском плену в 1905 году. Именно там он начал сбор материала для будущего романа. В лагере, куда он попал, находились команды почти со всех кораблей, и матросы охотно делились своими впечатлениями от пережитого. С некоторыми из них писатель продолжил общение и после плена, по крупным восстанавливая прошедшие события. Об одном таком «соавторе» романа «Цусима» я и хочу рассказать.

У моего прадеда Павла Матвеевича Гурина был приятель Леонид Дмитриевич Измайлов. Жили по соседству, много общались. И хотя Леонид Дмитриевич был старше моего прадеда на целых 17 лет, но дух авантюризма, присущий настоящему моряку, сглаживал любое различие в возрасте. А Леонид Измайлов был моряк настоящий, насквозь пропитанный морской солью и любивший море так сильно, как никто другой в маленьком сухопутном городке Любиме Ярославской губернии. Ходил старый моряк особой морской походочкой — неспешной и слегка вразвалочку, носил роскошные усы и окладистую бороду, речь свою слабривал «морскими» словечками, не всегда понятными «сухопутному» населению. Довершала образ «морского волка» неизменная тельняшка.

Судно имело ужасный вид

Свою службу на флоте Леонид Измайлов начал в 1904 году в Петербурге. После трёхмесячного обучения он был направлен на броненосец «Орёл» матросом 1-й статьи.

Эскадренный броненосец «Орёл» был построен на верфи «Галерный остров» в Санкт-Петербурге. Длина корабля 120 метров, ширина — 23 метра. Экипаж — 846 человек. В конце августа 1904 года «Орёл» прошёл цикл сдаточных испытаний и через месяц отбыл в Ревель, к готовящейся в поход эскадре под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского. «Орёл» был один из четырёх однотипных кораблей, входивших в 1-й броненосный отряд и составивших «кулак» 2-й Тихоокеанской эскадры.

Летом 1905 года, во время Русско-японской войны, в Корейском проливе между островами Цусима и Ики эскадра, в составе которой был и «Орёл», встретилась с японскими кораблями. Вот как описывает эту встречу и само сражение Леонид Измайлов: «Но вдруг все бывшие на мостике столпились в одну гряду и стали все смотреть в одну точку. Видишь! Видишь, говорит один другому, вон там вправо я вижу судно... Окромя того крейсера показали и ещё несколько крейсеров разного типа и крупного размера, всего их было девять. Большей частью трёхтрубные. Пробыли тревогу, и мы все разбежались по своим орудиям, всё было тихо, и все как будто притаили дыхание, ожидая приказания, ну нам не было приказания, а с нашего судна вдруг

Леонид Дмитриевич Измайлов

Видишь! Видишь, говорит один другому, вон там вправо я вижу судно... Окромя того крейсера показали и ещё несколько крейсеров разного типа и крупного размера, всего их было девять. Большей частью трёхтрубные. Пробыли тревогу, и мы все разбежались по своим орудиям, всё было тихо, и все как будто притаили дыхание, ожидая приказания, ну нам не было приказания, а с нашего судна вдруг

Вдруг раздалась команда в батарее на левом борту полубортики открыть, и с левого борта были тут же несколько человек ранено и убито

ВРЕМЯ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

*Матросы Леонид Илмайлов
и Алексей Повтос в японском плену*

разразился грохот. Это был нечаянно произведён выстрел из левой части двоймовой башни. Конечно, комендор наводил своё орудие и, наверное, не стерпел, или ошибся, или же совсем нечаянно, как после и узнали. С неприятельского судна тоже показался клуб белого дыма и вслед сигнал, то есть выстрел, ну, далеко упал снаряд в воду. От адмирала Рожественского был сигнал, что без приказа не стрелять, а после нашего нечаянного выстрела и последовали и следующие суда, потом замолкли, потому что, видя, что больше с наших судов не стреляют, и они перестали стрелять и последовали за нами, а неприятельские суда удалились.

Тогда в 11 часов дали нам обедать, старший офицер сказал, ну, ребята, пообедайте, а поужи-

вать — кому придётся или нет, конечно, так и исполнилось некоторым товарищам. Обедали все у своих орудий, и все торопились, да, признаться сказать, и никому и не слось, а всё-таки, ободряя друг друга и перебивая в разговорах, потому что каждый был очевидцем этого дела, говорили и спорили с усилием и как будто наговаривались другие в последний раз. После окончания обеда смотрели внимательно за всем горизонтом, не прошло и полчаса, как снова сыграли тревогу, все разбежались по своим местам, стали смотреть. Видим, с левой стороны показались несколько судов и строились боевые колонны. Началась перестрелка. Вдруг раздалась команда в батарее на левом борту полубортики открыть, и с левого борта были тут же несколько человек ранено и убито, в носовом каземате убило одним снарядом девять человек, в том числе был убит офицер, стали попадать в нас и часто в кормовом каземате в одно место, и сделалось два пожара, нас вызвали тушить, в каюте одного офицера взорвалась снаряд и загорелись некоторые вещи, а другой снаряд попал в адмиральскую каюту.

Пожары были незначительны, скоро потушили. Потом уже не стало возможности и тушить, потому что снаряды рвались и уничтожали команду и офицеров. Одним словом, начался сильный артиллерийский бой, только и слышно грохот выстрелов наших и неприятельских.

Не прошло и часа, как вызывают вторично. Это был сильный пожар, горела угольная яма, и в палубе чемоданы, и в боевой рубке тоже был огонь. Нас выбежало несколько человек. Когда я выбежал и увидел страшную картину: мне пришлось перешагнуть через своего товарища, он лежал мёртвым, а из головы с левой стороны лилась кровь, а на нём было много осколков, так в то время и пробежала по нему дрожь. Я поглядел на своё судно — везе горело, везде всё разгромлено, разбито, по палубе едва можно было

Стоя у орудия, я увидел, что какое-то судно наше сильно горит. На судне видно, бегают команда и кричит

ВРЕМЯ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

пройти. Вот осколком ранено моих товарищей, один упал, его сшибло воздухом и оглушило. Стоя у орудия, я увидел, что какое-то судно наше сильно горит. На судне видно, бегают команда и кричит. Судно имело ужасный вид, было оно совсем без трубы и без мачты и сильно кренилось. Товарищи сказали мне, что это «Александр III». А в 5 часов вечера броненосец «Ослибя» погрузился ко дну, у него было много пробоин, случился взрыв в бомбовом погребе и в то же время сильный пожар. Команды спаслось очень мало, из 900 человек осталось 20 человек, и, к их счастью, подоспел крейсер «Дмитрий Донской» и спас, сколько мог, и то под сильным огнём.

Прошло часа два, ещё страшней стал выглядеть наш броненосец, ещё ужасней груды мёртвых товарищей, обгорелые тела. У нас на мостике осталось всего 4 орудия. Времени было уже семь часов вечера, было темно и туманно, у нас из строя выбыли и совсем погибли броненосцы «Суворов», «Александр III», «Бородино», «Наварин» и «Сисой великий», крейсер «Нахимов» и вспомогательный крейсер «Урал», и много которые погибли после на другой день утром, некоторые утопили сами, потому что не имели угля и снарядов. При гибели броненосца «Суворова», на котором был адмирал Рожественский, которого спасли, взяли на миноносец «Буйный» с ним 20 человек команды. Почему взяли мало команды на миноносец? Потому что в него стали сильно стрелять.

Наш броненосец героически шёл полным ходом, курс держали на Владивосток, шли одни, отбились от своих судов, ведь было очень темно, а у нас никаких фонарей не было, так как было всё разбито, освещать было нечем неприятельские миноносцы. Пришлось идти полным ходом и без огней, а грохот орудий в ночной мгле, только после появления клуба огня раздавался сильный гул и треск. Это японские миноносцы напали на наши оставшие суда. Японцев видимо-невидимо, жестоко они стреляли в эти несчастные миноносцы, только пар клубом вместе с осколками поднимался вверх. Артиллерийский бой прекратился около полуночи, и

миноносцы сновали всю ночь. Около 1-го часа ночи мы увидели слева и немного впереди маленький огонёк, это был «Николай I», он стал телеграфировать и сигнализировать свои позывные. И мы ему стали сигнализировать. Выяснилось, что рядом с нами четыре судна: «Николай I», «Сенявин», «Апраксин» и «Изумруд». Адмирал приказал: «Следовать за мной!» Только что стало чуть светло, команда и офицеры начали все дружно работать, всё на палубе подбирать и всё, что ни попадёт, бросать за борт, все шлюпки и катера и все осколки и обломки бросили за борт, а мёртвых складывали рядами и покрывали флагами.

Это ужасная и трогательная была картина, как лежали мои товарищи, у кого нет головы, у кого ноги, у кого чего, и в том числе много горелых матросов, и тут же один офицер как поглядел на эту картину, так и шемило сердце, жалко и грустно смотреть, а ещё грустней, когда всех собрали, то оказалось 64 человека. Два офицера лежали страшные и приготовлены были к погребению. Позвали священника... Я как малый ребёнок заплакал. Мне стало стыдно перед присутствующими матросами и офицерами, и я ушёл на мостик. И что же вижу: подходят несколько матросов и берут первого офицера, и раскачивают, и за борт, а за ним и следующих. Несчастные жертвы, иные тонули сразу, а иные плыли по поверхности воды. В это время шедшие сзади нас суда свернули в сторону, чтобы дать проплыть нашим героям, а команды судов смотрели грустно и, снимая фуражки, крестились. У нас на судне оказалось около 100 человек больных, раненых и убитых, а один офицер пропал без вести».

Плен – не рай

На следующий день остатки русской эскадры вынуждены были сдаться. Как вспоминал Леонид Измайлов: «Тут-то мы и запечалились, у всех лица стали другие, каждый думал, какова жизнь в плену у японцев, а в это время у нас стали бросать за борт всякие книги, детали орудий, а крупные орудия попортили, успели всё это сделать до приезда японцев». Леонид Измайлов, подавшись всеобщему порыву, оторвал радиотеле-

В японском плену с обессиленными русскими моряками обошлись вполне по-человечески: оставили все личные вещи

ВРЕМЯ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Японию под названием «Ивами».

Возвращение из небытия

Находясь в плену в поселении Кумamoto, Леонид Дмитриевич вёл дневник, куда подробнейшим образом записывал и зарисовывал всё, что произошло с броненосцем «Орёл» и другими кораблями эскадры, описал события, произошедшие после сдачи «Орла» и пленения оставшегося экипажа. В лагерь матрос Измайлов попал вместе со своим другом и сослуживцем

графный ключ, сунул в карман, чтобы освободить руки и испортить на слабом корабле ещё что-то... А ключ так и остался лежать в кармане, и пронёс его матрос Измайлов через весь японский плен в родной город Любим, хранил его до самой смерти вместе с медалями как святыню и память о погибших друзьях.

В японском плену с обессиленными русскими моряками обошлись вполне по-человечески: оставили все личные вещи, отобрали только ножи и спички, накормили, дали возможность вымыться, переодеться. Японцы с почестями хоронили погибших русских моряков на кладбище. Но плен не рай, пусть у читателя не возникает обманчивая иллюзия. Да, к пленным русским морякам отнеслись милосердно и отчасти почитательно, но не более того. Плен это тяжелейшие испытания на прочность и плоти, и духа. К сожалению, не все смогли перенести эти тяготы, были и умершие от ран и болезней, и покончившие с собой, и лишившиеся рассудка. Броненосец «Орёл» японцы отремонтировали, и он всё же дошёл до Владивостока, правда, уже в составе Императорского флота

Алексеем Новиковым. После плена Новиков стал писателем-маринистом и взял псевдоним Новиков-Прибой. А когда задумал написать роман о Цусимском сражении, Леонид Измайлов с удовольствием предоставил ему свой дневник и зарисовки.

Лет пятнадцать тому назад позвал меня, тогда начинающего директора краеведческого музея, сын Леонида Дмитриевича — Константин. Он рассказал мне о дружбе его отца с моим прадедом и о событиях Русско-японской войны. А ещё передал в музей тот самый радиотелеграфный ключ с броненосца, медали, дневник и рисунки отца, томик «Цусимы» с царственной надписью Новикова-Прибоя и, конечно же, фотографии.

Все эти артефакты заняли достойное место в экспозиции нашего музея. Теперь их дополняет и модель того самого легендарного корабля.

Далёкое — близкое

Модель броненосца «Орёл» мне хотелось иметь для музея давно. Задумываться о приобретении такой модели для оформления экспозиции

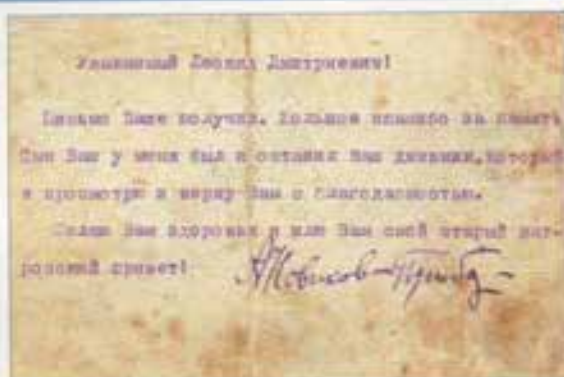
Имея подлинный радиотелеграфный ключ с броненосца, очень хотелось поставить рядом и макет самого корабля

ВРЕМЯ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Любимского историко-краеведческого музея я начал сразу после знакомства с Константином Леонидовичем Измайловым, услышав историю его отца. Имея подлинный радиотелеграфный ключ с броненосца, очень хотелось поставить рядом и макет самого корабля. Можно бы было купить готовый набор пластмассовых деталей и склеить маленькую модель, но масштаб у предлагаемых макетов был слишком уж мал, явно не музейный. Сделать же модель самому — даже не мечтал. Самолёты, вертолёты делал в юности, музейные макеты домов и церквей тоже изготавливал, а вот судомоделизмом никогда не занимался.

Началось всё с того, что мой сын Артём несколько лет назад затеял сборку галеона XVII века «Сан Джованни Батиста». Детали сын выпиливал ручным лобзиком. Я, конечно, помогал скорее техническими советами — как и из чего можно изготовить нужную деталь. За два года он всё же осилил модель. Потом были ещё модели, собранные Артёмом и наши с ним совместные.

В 2018 году я сам приступил к изготовлению «Орла». Изучал устройство корабля, искал чертежи. Моделизм такая штука, что пока ты не поймёшь предназначение каждой детали, каждого узла, ничего стоящего не получится. Поэтому работа над любым макетом начинается с изучения устройства оригинала. И вот когда есть багаж знаний, уже подбираешь материалы для изготовления деталей, считаешь, чертишь, тылишь, точишь. Я в своих моделях не использую готовых покупных деталей. Всё изготовлено вручную из «гаражных» запасов: обрезки фанеры и досок, картон, жестянки, проволока, гвозди, шайбы и старый ржавый смеситель для кухни. Довольно быстро изготовил каркас и палубу. А потом как отрезало — не идёт, не хочу. Полгода не прикасался к модели. Считаю, что главный принцип в любом творчестве: не идёт — не делай, не мучай ни себя, ни модель! За полгода своеобразного «простоя» я сделал две модели подводных лодок, а потом как-то само собой доделал и броненосец «Орёл». Говорят, что неплохо получилось, не знаю, свою работу оценивать трудно. Недавно начал новую модель — линкор «Севастополь».

Телеграмма от Новикова-Прибыли Леониду Измайлову

Медали Леонида Дмитриевича Измайлова

Радиотелеграфный ключ с броненосца «Орёл»